

Это соображение подтверждается рассмотрением сюжетов всего цикла миниатюр, в которых первенствующая роль отводится Петру как с точки зрения содержания, так и в композиционном решении большинства листов. Фигура Петра дается крупным планом, помещается в центре, так или иначе главенствует в композиции. К Петру обращены жесты остальных действующих лиц, даже отсутствуя, он является объектом действия (например, в сцене встречи с Февронией отрок ведет разговор о болящем князе; отрок приносит «повесмо льна», передавая «невыполнимое задание» князя, и получает в ответ от Февронии «поленце» и т. п.). Из 40 миниатюр данной рукописи в 36-ти Петр едва ли не всегда — основное действующее лицо.

Миниатюра прославляет доблесть князя-змеборца (2—6-я миниатюры), подчеркивает страдания его от болезни, вызванной все тем же подвигом (7-я, 8-я, 10-я, 17-я миниатюры); значительное место в цикле занимает и прославление его после смерти (чудесное соединение тел во едином гробе).

Образ Февронии дан несколько «на втором плане», хотя и не забыты все основные моменты ее характеристики. При первой встрече с ней княжеского отрока не забыт и скачущий заяц, и ткацкий станок (к слову сказать, поражающий реалистичностью изображения и не имеющий аналогий в древнерусской миниатюре). Сцене чудесного исцеления посвящено двенадцать миниатюр (лл. 4 об.—10 об.). Не забыты эпизоды «неисполненных заданий»: предложение князя «учинить срачицу и порты и полотенца» из «единая повесма лну» в то время, как князь будет мыться в бане, и ответное задание девицы князю «устроить» из обрубка полена «станок и все строение» ткацкое (лл. 7 об., 8). В сценах исцеления образ Февронии не лишен известного обаяния, однако он и здесь отодвигается не только композиционно, но и в самом разворачивании сюжета несколько «под сурдинку».

В последующих местах не забыты все чудесные эпизоды «Повести»: превращение остатков пищи в благоуханный ладан в руке Февронии; обличение Февронией нечистых помыслов женатого человека; произрастание деревьев по благословию Февронии во время путешествия по Оке из гнанных из Муром князя и княгини, и т. п.

Миниатюрист увлечен занимательной стороной «Повести», он стремится донести ее до читателя, не упустив ни одной подробности. И если соображения экономии места заставляют его предельно сжимать текст надписей, то в еще большей мере заинтересованность сложным содержанием «Повести» заставляет его передавать средствами рисунка развитие действия со всеми мельчайшими деталями и реальной обстановки, и сказочной занимательности, не упуская дидактической стороны жития, не пренебрегая и всеми возможностями прославления чудотворцев.

Необходимо оценить всю сложность задачи, стоявшей перед миниатюристом. Для передачи жития, написанного по традиционной агиографической схеме, в древней Руси давно установились привычные формы выражения, выкристаллизовавшиеся в продолжение нескольких веков в клеймах житийных икон и миниатюрах ряда житий, бытовавшие в канонических образцах и прорисях. Традиционные сцены рождества, научения священику писанию, принятия священнического или иноческого чина (для преподобных) или мучений (для мучеников), добрые дела при жизни, «честное усение» и чудеса по смерти — такова привычная схема житий и житийных икон византийской и русской агиографической литературы и иконописи.

Л о в с к и й. Народное предание о жизни преподобных муромских Петра и Февронии. Цитируется по статье: М. О. С к р и п л я. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 153).